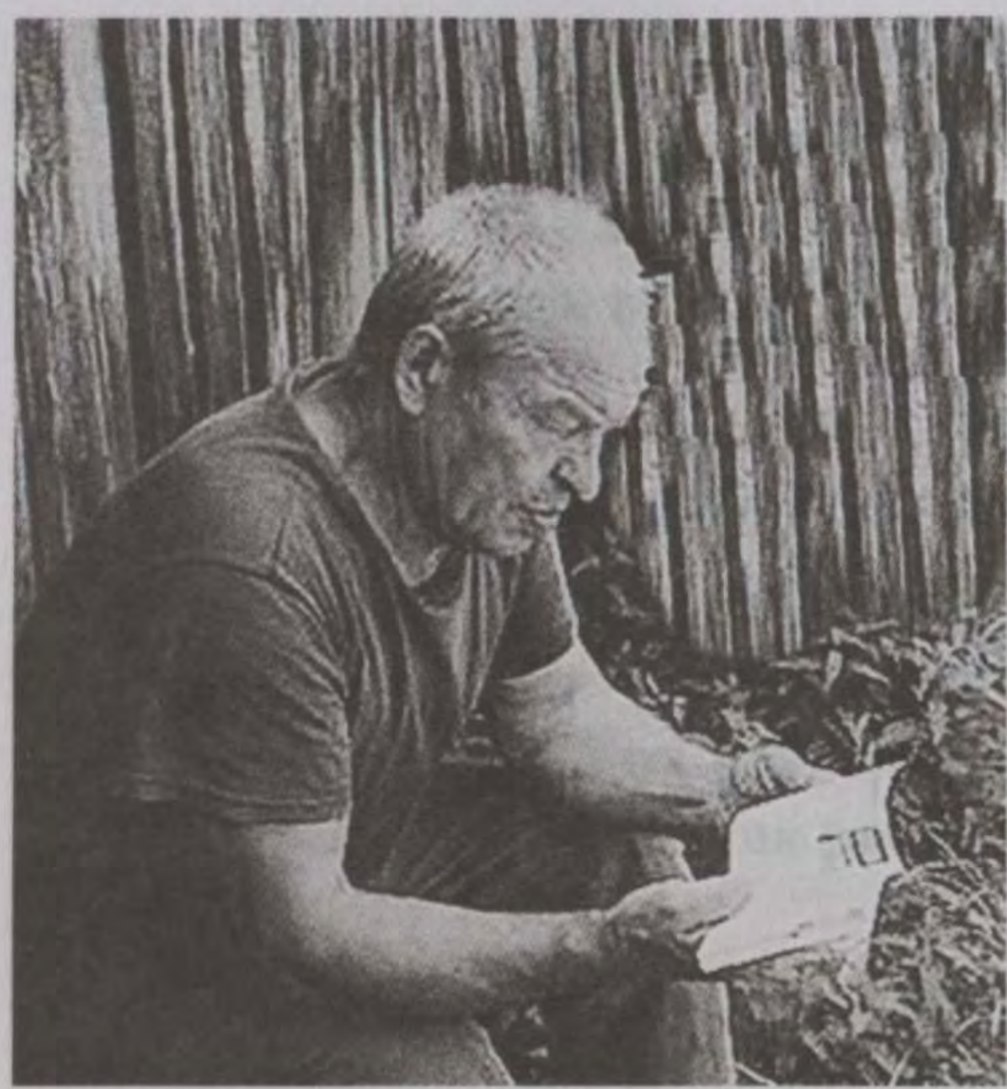

Николай Абоимов

Николай Иосифович Абоимов родился в 1946 году в Оренбургской области, потомственный уральский казак. Юность провёл в Узбекистане. Срочную службу проходил на подводной лодке, старшина первой статьи... Почти вся его последующая жизнь связана с селом Бомнак Зейского района Амурской области. Как профессиональный охотник, а затем и оленевод, провёл в тайге более 40 лет. Много лет дружил с внуком легендарного Улукиткана. Геологи из Москвы и Ленинграда всегда брали его в экспедиции каюром. Уже в молодости начал вести дневники.

Николай Абоимов — автор коротких рассказов о коренных жителях амурской тайги — эвенках. Подробности таёжного быта охотников и оленеводов, сцены охоты, повадки домашних оленей, диких зверей и птиц описаны в этих рассказах живо, ёмко и точно. Издал два сборника прозы и стихов «Зарисовки на память» и «Заставь себя жить». Печатался в альманахе «Приамурье» за 2018 год. Победитель областных литературного конкурса «Земли родной талант и вдохновенье». С его творчеством можно познакомиться на сайте «Проза. Ру».

Рассказ

От батрака до разведчика

ТАКИМ БЫЛО ДЕТСТВО

1921 год. Голод в Поволжье, а также в прилегающем к нему Оренбуржье и в станицах уральских казаков. Моему отцу в то время было девять лет. Из большой казачьей староверческой семьи, где были отец, мать и девять детей, маленький Иосиф остался один. Люди умирали. Ели всё: кошек, собак, сусликов.

Были случаи людоедства. У одной женщины в печи нашли запечённые на противне человеческие руки. Поставили охрану у амбара, куда стаскивали трупы, но ночью охранника убили.

Отец со слезами на глазах рассказывал о том времени. Из родственников у него тогда остался только дядя, брат отца, который ничем не мог помочь племяннику. У мальчишки началась водянка, и он распух, как шар. Как выжил — одному Богу известно.

Первая запись в трудовой книжке отца датирована 1924 годом. Там записано: «Батрак по найму».

А было ему тогда двенадцать лет.

СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ

В семнадцать женился. Моя мать тоже была из малоимущих. На свадьбу дядя подарил им бычка с тёлочкой, несколько кур и пару гусей. Почти сразу пошли дети: через год — Панька, а через два — Манька.

В 1932 году отца призвали на службу в армию. Попал он в погранвойска, на иранскую границу. Окончил там курсы ликбеза и выучился на командира бронемашины. Остался служить сверхсрочно. Семья переехала к нему на границу. Рос по службе, стал командиром взвода бронемашин.

Перед войной демобилизовался в звании старшего лейтенанта и вернулся на родину, в село Грязный Иртек (впоследствии переименованное в Заречье) Оренбургской (тогда Чкаловской) области.

С началом войны ушёл добровольцем на фронт. Направили на курсы «Выстрел» при ВШКА (Высшая школа Красной Армии).

Немцы наступали, наши войска попадали в плен, солдаты гибли в боях. В сентябре в ВШКА пришёл указ Сталина: на фронте не хватает общевойсковых разведчиков, срочно переподготовить. Началась учёба по новым методикам. В это время у отца с матерью родился сын. Отец назвал его Виктор — Победитель, в честь Победы, в которую он свято верил.

НАЧАЛЬНИК РАЗВЕДКИ ПОЛКА

В конце 1941 года отец был назначен начальником разведки полка. Полк формировался под Москвой, а потом был переброшен под Сталинград. Здесь отец получил свой первый орден Красного Знамени. У ордена тогда не было застёжки, он привинчивался к гимнастёрке. В полку таким орденом он был награждён первым, чем очень гордился. Потом — Курская битва, последнее его сражение, где он был сильно ранен и контужен…

А до этого были три ранения, но, подлечившись в госпитале, он снова возвращался в свой полк.

Первое ранение было в ногу. Пуля пробила икру ноги, не задев кость. Он говорил: «В горячке боя я даже не заметил этого, пока не почувствовал, что в сапоге хлюпает кровь».

Иосиф Михайлович Абоимов

Второе ранение получил во время похода за «языком». В кромешной тьме сиганул в окоп, в котором сидя спали немцы в обнимку со своими винтовками. Винтовки были со штыками, и отец шагнул прямо на один из них. Штык насквозь прошил бедро. Разведчики бросились в окоп и уничтожили находившихся там немцев, оставив одного «языка». Большой популярностью у разведчиков пользовались немецкие офицерские кортики, с которыми удобно было проводить тренировки. Пригодились они и в тот раз, чтобы убрать лишних немцев. Отец вспоминал, что ему зажали рот, чтобы он не стонал, потом один из разведчиков наступил ему на ногу и вырвал штык из бедра. Взвалив его и «языка» на себя, ребята вынесли их к своим.

Более тяжёлым было третье ранение — в руку. Шло наступление. Отец бежал, держа пистолет ТТ в правой руке, и кричал «Ура!». Будто палкой ударили: пистолет вылетел, рука повисла. Кровь и страшная боль. Разрывная пуля пробила лучезапястную кость, и потом она всю жизнь выпирала из-под кожи острым бугром.

Медсанбаты, госпитали — и снова в свою часть. Бои, разведка, тяжёлая военная работа.

ИЛИ ОНИ НАС, ИЛИ МЫ ИХ...

Первый орден отец получил, как записано в орденской книжке, «за взятие контрольного военнопленного в обороне». Это было под Сталинградом, когда держали в кольце армию Паулюса. Пленный оказался важной «птицей» и был отправлен в Москву для допросов. Второй орден Красного Знамени он получил «за разработку оперативно-стратегического плана». Хотя как такового «стратегического» плана не было. Была продумана и осуществлена разведка боем, в ходе которой взвод разведчиков скрытно выдвинулся, атаковал и захватил высоту. Вызвали подмогу, полк был поднят в атаку, и немцев отбросили с их позиций.

О войне отец рассказывал мало и редко, но иногда на него накатывало, и он вспоминал истории, которые с ним происходили.

Как-то я его спросил:

— Папа, а сам-то ты хоть одного фашиста убил?

Он помолчал и ответил:

— Приходилось. На войне — или они нас, или мы их. Хорошо, если ты убил в открытом бою, но бывают другие случаи. Нужно наступать, а у нас много пленных. Приходится отрывать двух-трех бойцов и отправлять их с пленными в тыл. Но иногда бывало всего три-четыре пленных, и отпускать двух разведчиков для сопровождения (одного ведь не пошлёшь) — большая роскошь, так как перед нами стоят чёткие задачи по сбору и передаче командованию информации о противнике.

Особо запомнился один случай. Захватили мы в блиндаже трёх немцев. Шел 1943 год. Немцы были морально подавлены, подняли вверх руки и бормочут: «Гитлер капут, Гитлер капут». Один из них, здоровый рыжий детина, полез в нагрудный карман, достал фотографии и, тыча в них пальцем, затараторил: «Фрау! Фрау матка! Киндер! Киндер! Цвай киндер!» Время поджимало. Где-то рядом бился наш полк. Я приказал ребятам вывести пленных наружу и расстрелять. Через пару минут три коротких очереди сделали своё дело.

Мы вылезли из блиндажа. Надо было идти дальше. Рыжий детина лежал, неестественно уткнувшись лицом в дно траншеи. В вывернутой вверх руке была зажата фотография, с которой на нас смотрели красивая белокурая женщина и две маленькие девчушки. Я подумал тогда: «Кто пригнал вас сюда убивать нас? Почему мы должны оставлять сиротами этих детей?»

Нормальный человек не даст ответа на этот вопрос. Мы же видели перед собой искорёженную нашу землю, разрушенные и сожжённые города и села, трупы наших людей, погибающих рядом товарищей. Мы тоже вместе с документами носили фотографии своих жён и детей и бились за них на своей земле...

ТЕРПИ, ГЕРОЙ!

Однажды отца вызвали в штаб дивизии и сказали, что его назначают начальником разведки дивизии. Отец связался с командиром полка и доложил ему об этом.

— Где ты находишься? Никуда не двигайся! Я высылаю за тобой «виллис», — приказал командир. Какие доводы он приводил командованию дивизии, неизвестно, но своего главного разведчика не отдал. Сказал только:

— Пусть сами для себя вырастят такого же.

Последний бой отец принял, как я уже говорил, на Курской дуге. Разведка выдвинулась на линию фронта полка и вела наблюдение. Разведчики рассредоточились, чтобы был больший обзор. Отец с рацией остался под сгоревшим танком. И тут неожиданно прорвались немецкие танки.

Один из них двигался прямо на него. Отец хотел прикрыться телом сгоревшего под танком нашего танкиста, схватил за руку, начал подтаскивать к себе, но мясо сползло с костей, и подтащить тело не удалось. Немцы заметили движение, их танк подошёл очень близко, остановился, и жерло пушки повернулось, ища свою жертву. Выстрела отец уже не слышал…

После боя разведчики отыскали и вытащили своего командира. Ранение оказалось очень тяжёлым. Осколками снаряда были перебиты обе лопатки и низ спины, позвоночник остался невредим. После медсанбата и госпиталей на фронт капитана Абоимова уже не отправили, а назначили комбатом учебного батальона.

Последствия этого ранения вскоре дали о себе знать. Загнила кость правой лопатки. Ещё одна операция, которую делали «на живую». Наркоз давать было нельзя: у отца было две контузии, и врачи боялись, что он его не перенесёт. Ремнями пристегнули к столу спину, руки, ноги. Медсестра приоткрыла марлю, под которой лежал инструмент. Блестящие пилки, зубильца, молоточки наводили страх.

— Ну, терпи, герой! — сказал хирург. Невыносимая боль пронзила всё тело. Стали отбивать края загнивающей кости. Сколько было нанесено отсекающих гниль ударов, он не считал, но казалось, этот ад будет продолжаться вечно. Кричал, умолял, материл, грозил, что когда отвяжут, всех поубивает. Но в ответ звучало: «Потерпи! Потерпи...» И снова страшная боль.

Потом всё затянулось, но в лопатке осталась дырка, и я, когда был маленьким, засовывал в неё палец. Отец молча терпел.

ТЕЛО ИЗНОСИЛОСЬ, А ДУША МОЛОДАЯ

После войны родились в 1946 году брат Миша, в 1947-м — я. Нас, детей, стало пятеро. Отец работал председателем сельсовета. Женился старший сын Павел, появился внук. Вышла замуж дочь Маша, родилась внучка.

И вдруг, в 1952 году, отец надумал очно учиться на агронома.

Поступил в Оренбургский сельхозтехникум. Устроил нас жить в пригородном совхозе, где мать стала работать дояркой, а с нами, малышами, домовничала бабушка — мамина мать. Сам устроился дворником в этом техникуме и помощником коменданта общежития, в котором жил. Каких трудов стоила ему эта учёба, можно только догадываться, но через два года диплом агронома он получил. В это же время родился у них с матерью шестой ребёнок — наша сестрёнка Наташа.

До семидесяти трёх лет отец работал агрономом. Трудовой стаж у него составлял шестьдесят один год. Агрономом никто из детей не стал, о чём отец часто сокрушался:

— Как вы не любите землю? Земля — наша мать, она нас кормит, она — наша жизнь.

Он сам очень любил жизнь. Умер в восемьдесят четыре года и до конца своих дней приговаривал:

— Тело разваливается, износилось, как старый рыдван, а душа молодая. Но я очень счастливый человек. Очень!

И ЕЩЁ РАЗ ОБ ОТЦЕ. ДЕНЬ ПОБЕДЫ

День Победы для отца был не просто праздник — это была Святыня. Прошедший бои начальником разведки полка под Москвой в сорок первом, Сталинградскую битву в сорок втором, танковое сражение на Курской дуге в сорок третьем, весь израненный и дважды контуженный, пережив боль и залечив раны в полковых лазаретах и госпиталях, дослуживал он воинскую службу в должности комбата учебного батальона до самого конца войны.

День Победы для отца был ещё и днём невыносимой скорби, и днём необузданной радости. В этот день он давал волю всем своим чувствам. С утра предупреждал:

— Сегодня я напьюсь. Сегодня мой день!.. Мать! — (Так он называл нашу маму.) — Ты только не ругайся...

Потом мы шли на мероприятия, посвящённые Дню Победы. Отца вызывали на трибуну, и он стоял там в центре, со всем руководством района. Как красиво и гордо блестели на его груди ордена и медали. Это был миг его и нашего семейного торжества. Это был миг торжества всей страны.

После всех официальных мероприятий начинались неофициальные, на которых мы уже не присутствовали. Но по нему, когда он приходил домой, видно было, что принял он на грудь не только фронтовые сто грамм, положенные по этому случаю. И с собой обязательно приносил «чекушку» — маленькую бутылку водки.

— Мать! Накрой на стол, я ребят своих вспомню, — просил он. Мама с бабушкой не перечили, несли на стол хлеб, сало, солёные огурцы, помидоры, капусту. Наливали ему тарелку щей с мясом.

В этот вечер он сам себе наливал и один пил, потом пел фронтовые песни. Я и сейчас их помню. Он очень хорошо пел. Слова в этих песнях вызывали дрожь: «Пришла война, войска пошли на Запад! Огонь и дым застлали горизонт…» Или такая: «Был я ранен! И капля за каплей кровь струилась и стыла в снегу…»

Была ещё одна, очень жуткая: «Ночь прошла в полевом лазарете, где дежурили доктор с сестрой. В полумраке, осеннем рассвете умирал от

ранений герой... — Песня переходила в надрыв. — ...Но снаряд пролетел, разорвался, оторвало мне правое плечо. И я с вами навеки расстался, но целую вас всех горячо!..» У меня наворачивались слёзы.

Потом отец подзывал меня к себе и начинал рассказывать о своих разведчиках. Какими они замечательными были, откуда родом, об их семьях, подружках, оставшихся в тылу. Как они сражались и как погибали. Я удивлялся, с какой любовью и с каким обилием подробностей он это делал. Наливал себе в очередной раз водки и снова вспоминал истории из своей богатой событиями фронтовой жизни.

Как-то я усомнился в правдивости его слов. Он возмущённо сказал:

— Как? Ты мне не веришь? Я тебе сейчас докажу! Называй любого соседа, я его сейчас приволоку, он у меня даже пикнуть не успеет! — Он хотел показать, что он и сейчас ещё может защитить Родину и даже взять «языка».

Я начинал его успокаивать, соглашаясь с ним. В таких случаях он говорил:

— Подойди ко мне, Колька, я тебя поцелую. Ты ещё так мало знаешь. И не знать бы тебе этого никогда. — И снова наливал водки. После этого ему уже никто не был нужен. Он пел, плакал, матерясь, выкрикивал боевые приказы и распоряжения. Видно было: воспоминания, поднятые с глубины души этой знаменательной датой, переносили его в ту страшную кровавую бойню.

Мы засыпали, а он ещё продолжал «воевать» за столом, потом успокаивался, и мать с бабушкой переводили его на кровать. Дойти сам он уже был не в силах. Своей радостью и болью слёз он вытравливал из себя тот ужас, который лёг на его плечи и на плечи его однополчан.

На следующий день, утихомирившийся, умывшись и не позавтракав, он уходил, как обычно, на работу. Его ждала земля. Он работал агрономом, и надо было высевать в землю семена. Надо было выращивать хлеб.

Я рад, что эти отцовские корни войны проросли и в меня. И даже ни разу не побывав на ней, я несу эту память так, как будто испытал её на собственной шкуре, и это на моём теле сейчас болят и ноют отцовские раны. Это я сам гибну с его отважными разведчиками, уползаю за линию фронта, добываю ценные сведения и приближаю победу.

Я уверен, мы будем праздновать День Победы и быть Народом-Победителем только до тех пор, пока будем знать, помнить и чувствовать цену этой Победы. Поколение наших отцов сделало и отдало для этого всё. Мы должны это сохранить и передать дальше.